

ТВОЕ МЕСТО В СТРОЮ!

Сергей Зверев

КОНТРАКТНИК

ХОЛОДНАЯ
ЯРОСТЬ

Контрактник

Сергей Зверев

Холодная ярость

«ЭКСМО»

2008

Зверев С. И.

Холодная ярость / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2008 — (Контрактник)

Над обледенелой Гренландией терпит катастрофу пассажирский «Боинг». На его борту коррумпированный российский чиновник, нагрешивший руки на государственном нефтяном бизнесе, перевозил награбленные миллионы и компромат на подельников. В район падения самолета направлена группа российского спецназа, в которой по контракту служит сержант Володя Локис. Выйдя на след выжившего в авиакатастрофе «особого» пассажира, бойцы еще не знают, что в предстоящей погоне противостоять им будут не только дикие свирепые хищники, но и агенты конкурирующей спецслужбы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	32
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Володька Локис неторопливо прогуливался по вечерним московским улочкам и тихо насвистывал себе под нос мелодию песенки из фильма «Я шагаю по Москве». Настроение у Володьки было прекрасное, события тоже соответствовали киношным стихам.

Минут сорок назад темное столичное небо словно прорвало, и город враз накрыл летний ливень. Прятаться особо было некуда, и, спасаясь от стихии, Локис не придумал ничего лучшего, как нырнуть в открытую дверь первого подвернувшегося на пути ресторанчика, коих в этом районе Первопрестольной было в изобилии.

Есть Локис не хотел, пить тоже не собирался, но поскольку ввалиться в ресторан и сказать: «Я у вас тут дождик пережду», будет не совсем удобно, следовало что-нибудь заказать. Проществовав за свободный столик, он заказал двести граммов коньяку «Арарат», лимон, пару бутербродов, и пока за окном бушевала гроза, он неспешно потягивал ароматную жидкость, слизывая с тонких круглых ломтиков кислый сок.

Тем временем дождь пошел на спад. Локис дождался, пока стихия полностью не угомонилась, расплатился и вышел на свежий воздух.

Хорошо в городе после ливня. За несколько минут смывается вся пыль и смоговая грязь, деревья вдруг начинают источать умопомрачительно-липкий запах, даже раскаленный за день асфальт перестает быть врагом и становится теплым другом, а люди распахивают окна, чего никогда не делали даже в сильнейший зной, предпочитая лучше задыхаться от жары, чем погибнуть от выхлопного удушья.

Первопрестольная сияла чистотой и фейерверком зазывающих огней. Володька неспешно шел по мокрому тротуару, насвистывая песенку. У него было отличное настроение. И дефилируя от одной рестораторской зазываловки к другой, Локис размышлял, стоит ли еще прогуляться или отправиться домой.

Время было уже довольно позднее – десять вечера или что-то около того. Для Москвы это тот самый час, когда ночная жизнь столицы только-только просыпается. Но Владимир Локис, как человек военный, привыкший к строгому распорядку отбоев и подъемов, уже позевывал, старательно прикрывая ладошкой рот.

– Нет, ребята-демократы, только чай, – процитировал он строчку из другой песни, снова зевнув в ладонь. – Завтра, конечно, выходной, но и кондиция пока не та, а одному доходить до нужной – дело неблагодарное, – справедливо рассудил Володя, круто развернулся по направлению к ближайшей станции метро и замер.

– Кондрат... – Он безапелляционно ткнул пальцем в шедшего за ним парня. – Кондратьев! Санька! Вот не ожидал! – И он сильно хлопнул прохожего по плечу. Знакомец, однако, явно не ожидал такого поворота событий и уставился на Локиса непонимающим взглядом. – Ты что, Башка, совсем нюх потерял? Своих не признаешь? – с обидой бросил Володька и отошел от прохожего на шаг – для того чтобы дать возможность парню получше рассмотреть себя, а может, и самому поглядеть, не обознался ли. Время-то темное...

– Ты что, Башка? – с тревогой, словно к больному, снова обратился к прохожему Локис. – Ты меня не пугай...

– Володька, что ли? – прохожий оправился от первого недоумения. – Локис?

– А то! – обрадованно поддакнул Владимир и подступил к знакомцу поближе. – Я уж тебя и по имени, и по фамилии, и по кличке, а ты – ноль по массе!

– Да я тебя без формы-то ни разу и не видел, – оправдывался знакомый, – потому сразу и не узнал...

– Знаешь что, – обиженно перебил Локис, – я тебя без формы тоже не видел, да только товарища, с которым два года проспали, можно сказать, ноздря в ноздю, одни портянки

нюхали да во внеочередные наряды залетали, я узнаю где хочешь, как хочешь и в каком хочешь виде.

– Да ладно, Медведь. – Бывший сослуживец сердечно хлопнул Локиса по плечу. – Не гони волну – захлебнемся. – Он широко улыбнулся. Было видно, что этой встрече Кондратьев тоже рад.

– Нет, Башка, – не унимался Володька, – я серьезно. Ты давно у доктора был? Слушай, а может, тебя после армии контузило? Или на вредном производстве травануло? Ты где работаешь-то, а?

Вопрос друга явно был Кондратьеву не по вкусу. Приветливая улыбка не то чтобы совсем сползла с лица Александра, но явно как-то поприугасла. Но отвечать на поставленный вопрос надо было, и он неопределенно произнес:

– В шоу-бизнесе.

– Да ну? – искренне удивился Локис. – Хотя... Ребят наших куда только не пораскидало. Даже копщик могил есть. Виталь Елизарьев. Помнишь?

– Помню, – охотно откликнулся Александр, с удовольствием уходя от неприятной для него темы.

– Слышь, Башка, а ты чего ни разу в парке Горького не был на нашем дне? – поинтересовался Локис. – В Москве ведь живешь. Или тебе особое приглашение нужно?

– Да знаю я, что такое День десантника в нашем парке, – разочарованно махнул рукой сослуживец. – Еще до службы насмотрелся. Только мне этого не надо.

– Чего «этого»? – подозрительно полюбопытствовал Володька. – Презираешь, что ли?

– Дурак, – просто ответил Кондратьев. – Презирал бы – не стоял бы сейчас с тобой. Просто в День ВДВ можно за минуту схлопотать на свою задницу таких приключений, что потом полжизни отмываться будешь. Всякое там бывает. Сам знаешь...

– Да уж знаю, – понимающе улыбнулся Локис, памятуя о своих стычках со спецназовцами.

– А мне это не светит. Мне в серьезный институт поступать надо. А там, ежели за тобой хвост из ментовки тянется, сразу от ворот поворот дадут. Будь ты хоть семи пядей во лбу.

– Это точно... – поддакнул другу Володя. – Слушай, чего мы тут стоим?

– Кислородом дышим, – резонно отозвался Кондратьев.

– Да я не об этом, – отмахнулся Медведь, – я о нашем, о посиделках. Пойдем, заглянем хотя бы вон в то заведение. – Он указал бывшему сослуживцу на дверь ближайшего ресторанчика. – Побалакаем. Адресочками обменяемся. А то москвич-москвич, а не встречу я тебя вот так случайно на улице, может, и не пересеклись бы уже никогда. Я, правда, немножко уже заправился коньячком, – признался Локис, – а ты, я смотрю, как стеклышко. Но ничего, это дело мы с тобой быстро уравновесим.

– Не могу, – с сожалением качнул головой Александр, – дела.

– Да какие, на хрен, дела? – возмутился Локис. – Денег, что ли, нету? Так у меня на посиделки хватит. – Володька выразительно похлопал по лежащему в кармане портмоне и вцепился в локоть бывшего сослуживца. – Пошли.

– Да не могу я. – Кондратьев неожиданно оказал решительное сопротивление. – Работа у меня.

– Работа не это самое, как говорится, может и полежать, – не унимался Вовка. – Не дури, Башка, не порти такой вечер!

– Не, Медведь. – Александр стал спокойно и уверенно высвобождаться от цепких пальцев друга. – Штука баксов просто так на дороге не валяется. Пиши телефон. Есть чем?

– Какой телефон? – Локис не собирался просто так сдаваться и снова принял в свою ладонь плечо друга. – Во, удивил ежика голой задницей! Штука баксов! Моя сеструха двою-

родная в парикмахерской примерно столько же получает. Это без премиальных! – Вовка многозначительно поднял вверх указательный палец свободной руки.

– Дурак ты, Медведь, – с сожалением покачал головой Кондратьев, ставя окончательный диагноз. – Дураком был и, видать, им и помрешь, – беззлобно закончил друг.

Володя внимательно посмотрел в глаза товарища, соображая, обидеться на комплимент в свой адрес или нет? Но, внезапно догадавшись, о чем идет речь, сам выпустил плечо Кондратьева.

– Иди ты... – замороженно глянул на дружка Локис. – Штука баксов за смену? Шутишь или на полном серьезе?

– На полном, на полном, – снисходительно улыбнулся Александр.

– А ну-ка пошли. – Володька снова решительно вцепился в руку бывшего сослуживца.

– Куда? – опешил Кондратьев. – Я ж сказал, что не могу. Мне на работу, – напомнил он.

– Вот на нее, родимую, и пошли. – Локис напористо двинулся вперед, чуть ли не силой таща за собой друга. – Хочу посмотреть на твой кабинет секретного ученого-ядерщика. Или ты по космосу специализируешься? А буфет там на вашей работе есть? – не унимался Вовка. – Хотя я могу и по дороге пивка купить. Далек твоя работа?

– Рядом, – невесело отозвался Кондратьев, которому, по всему было видно, не очень хотелось появляться на службе в таком обществе. Но, видя настырность друга, отказать Медведю Александр не мог. Он только расстроено вздохнул и добавил: – Там есть бар...

– Ну, так вообще не жизнь, а сказка, – бодро отозвался Локис. – Давай, дружбан, показывай дорогу.

Глава 2

Минут десять бывшие сослуживцы шагали вдоль целой галереи самых разнообразных увеселительных заведений – от обычных закусовых и пицца-кафе до дорогущих казино и ночных бизнес-клубов. Двигались приятели почти не разговаривая. Локис – целенаправленно, Кондратьев – сконфуженно и неохотно.

– Вот здесь я и работаю, – указал Александр на небольшое здание не особо впечатляющего вида.

– Где-е-есь? – недоверчиво крутанул головой Медведь, осматривая скромный фасад. По сравнению с соседями это заведение выглядело более чем сереньким. Ни тебе яркой и броской рекламы, ни интимного света из затемненных окошек, ни держиморд, ни швейцаров в ливреях. В общем, никаких атрибутов роскоши и помпезности. Наоборот. Это строение даже не имело собственного статуса. То есть не было чем-то отдельным, а смыкалось и делило территорию с каким-то уж совсем похабного вида не то сараем, не то складом без окон и с облупившейся краской. Чуть получше уездного ресторана незабвенных застойных времен. – И здесь ты хапашешь по штуке за день? – опять удивился Локис. – Да ни в жизнь не поверю!

– Ну, пойдем, коль уж пришли, – с глубоким выдохом произнес Кондратьев, пожав плечами. – По штуке – это не всегда, но в ночь с субботы на воскресенье – можно. Ладно, пошли, посмотришь на мой «секретный кабинет».

И Александр зашагал вперед, приглашая Локиса следовать за ним. Правда, направился Кондратьев не к фасадной двери, на которой красовалась табличка «Мест нет», а за угол, во дворик. Там, надо сказать, Володя тоже не увидел ничего выдающегося. Разве что у выполненного под Средневековье входа стояли два человека, да из здания, которое Медведь поначалу принял за сарай, мягко поднялись металлические створки, из которых бесшумно выскользнул и остановился перед входом темный «Крайслер».

– Это мой армейский друг. – Александр на секунду задержался перед охранниками. – Он пройдет со мной.

Один из верзил молча кивнул головой, живенько прошелся по Локису металлоискателем и вежливо улыбнулся:

– Служба. Проходите. – И он с услужливостью вышколенного слуги распахнул перед приятелями дверь.

Очувтившись в просторном вестибюле, Локис сразу понял, что фасад «а-ля заштатный городишко» – это всего лишь ширма. Уж этому-то заведению не требовалась ни кричащая, зазывающая реклама, ни лишние любопытные взгляды. Здесь царила клубная атмосфера. Посетители, и Володя сразу это заметил, не были случайным набором публики, а почти все знали друг друга и давно относились к рангу завсегдаев. Такое заведение обычно имеет свою определенную клиентуру, свой круг людей, о которых знает все, до мельчайшего кулинарного каприза, и эти капризы и изыски удовлетворяет.

Что это заведение не для простых смертных, было понятно не только при виде публики, но и при первом взгляде на убранство вестибюля. Нет, никаких излишеств вроде позолоты и красного дерева или палисандра в серебре Локис не заметил. Наоборот. Просторный холл, как и вход со двора, был выполнен под Средневековье. А какие в те века излишества? Стены из неотесанного булыжника и штукатурки? И тем не менее искусная работа дизайнера или, может, умело распределенный свет создавали иллюзию комфорта, теплоты и, главное, защищенности, словно вы действительно находились за неприступной крепостной стеной.

– Выпить – направо. Там бар. – Кондратьев слегка тронул Володю за плечо. – Потанцевать – прямо, игральные комнаты – налево...

– А ты? – удивленно спросил Локис.

видно и по стриптизеру, и по тому, как отпрянула от него женщина и резво рванула куда-то с возбужденно-обиженным видом.

Башка тем временем дотанцевал свой номер и уступил место «Учителю физкультуры».

– А где мне можно найти «Витязя из ВДВ»? – спросил Локис у бармена, расплатившись за коньяк.

– Кондратьева?

– Да, – кивнул головой Володя. – Это мой... э-э-э... знакомый. Товарищ. – Он немного замялся.

– Вон та дверь, – бармен указал пальцем на невысокий проем, – проход за кулисы. Его примерка там. На двери есть фамилия.

– Спасибо, – кивнул головой бывший десантник и неторопливо зашагал в указанном направлении.

«Кондратьев», – прочел незамысловатую надпись на одной из дверей Локис и, не постучавшись, толкнул дверь.

Друга он застал за сортировкой полученных от выступления денег. На появление Володьки тот никак не отреагировал.

– Знатная у тебя спецодежда, – с ехидцей произнес Локис, намекая на едва заметные на теле плавки. – И сценическое имя подходящее – «Витязь из ВДВ»! Класс! Не то что Башка. Сам придумал?

– Нет, хозяин, – спокойно отреагировал Александр. – Когда узнал, что служил в десанте, решил сделать из этого замануху. А против хозяйского слова, как известно, не попрешь... – Он глянул на Локиса и улыбнулся.

Владимир подметил в поведении Кондратьева странное изменение. Если до того момента, как они вошли в этот клуб, Сашка вел себя несколько озадаченно и смущенно, то сейчас от этого не осталось даже малейшей тени.

«Интересно, – подумал Володя, – когда ты был настоящий? Полчаса назад, когда мы встретились, или теперь, после того как я посмотрел на твои выкрутасы? Откинул маску, и попер гламур, амур, бонжур? Чего уж стесняться?»

Володьке дико захотелось взять и уйти, но просто так вычеркнуть из памяти друга, с которым из одного котелка хлебали на Северном Кавказе, он не мог.

– Не надоело тебе это все? – примирительно спросил Локис, кивнув головой назад, туда, где находился подиум.

– Да нет, – пожал плечами Башка, – работа как работа. – Похоже, он был искренен.

– Какая-нибудь резвая старушенция тебя детородной тычины лишит.

– Вряд ли, – парировал бывший сослуживец, – то, что произошло сегодня, – это нонсенс.

– Слов-то понахватался в этом гадюшнике, – криво усмехнулся Локис. – Прямо и не верится, что у тебя «За заслуги перед Отечеством» есть. Не продал еще медальку-то?

– Слушай, Медведь, ты мне что, мать, брат или сват? – Кондратьев беззлобно посмотрел на товарища. – Что ты меня совестишь? Страна у нас такая, что боевые генералы в швейцары переквалифицируются.

– А боевые десантники – в стриптизеры, – ответил на выпад Володька.

– Бывает и такое, – пожал плечами Кондратьев.

– Скажи честно, оно тебе надо? – Локис прямо посмотрел в глаза другу. – Только честно?

– Ты что, – искренне удивился приятель, – совсем на голову больной? Кому это может нравиться?

– Тогда на кой ляд тебе это нужно? – не удержавшись, зло выкрикнул Володя.

– Стриптиз – дело недолговечное, – спокойно ответил Александр. – Пока тело в норме – все хорошо, а лет через пять постарел, оброс жирком – и, как говорится, гуляй, Вася! В свободный полет. Или половым при этой же конторе...

– Зато, видать по всему, благодарное, – ехидно произнес Локис, кивнув на разложенную на гримерном столике кучку денег.

– Представь себе, – передернул плечами бывший сослуживец. – С тех пор, Вовка, как мы с тобой защищали Родину на Кавказе, много воды утекло. То, что моя мама меня одна поднимала на ноги и из-за этого оставила большую сцену, а МХАТ – это, согласись, большая сцена, – это тебе известно...

– Да, ты рассказывал, – подтвердил Локис.

– Только вот когда я из армии пришел, мама от такой нашей замечательной жизни в больницу попала: язва, печень... Одним словом – целый букет. И инвалидность. И пенсии нет. Только по этой самой инвалидности, за которую хлеб да молоко можно купить, если до магазина дойти сможешь... А тут я еще из армии заявился. Ни хрена не умею, профессии нет, одни амбиции – Гарвард мне подавай, Оксфорд, ну, на крайний случай, МГИМО. Дома жрать нечего, а я после армии, с голодухи, по девочкам соскучился. Только вот в форме к ним не завалишься, а после службы на меня разве что только спортинки влезали...

– Пошел бы работать, как я. На завод бы... – вставил Володя, но тут же осекся под холодным взглядом товарища.

– Теперь ты мне, Медведь, скажи честно: и долго ты на своем заводе продержался? – Он пристально глядел на Локиса. – На фабричную зарплату вряд ли бы так щедро решился меня угощать.

– Год и два месяца. – Володя потупился, словно школьник.

– Что, мало платили? – продолжал пытаться сослуживца сослуживец-стриптизер.

– Мало, – признался Локис.

– Я ведь тоже не сразу сюда попал, – сбавил обороты Кондратьев. – Сначала было в ЧОП подался, в охранный предприятие, – пояснил он, – на рынке за порядком следить. Но там свои заморочки, поборы, да и задницу начальству лизать надо, чтобы что-то иметь. А я, ты же знаешь, не привык. Ушел я. А куда податься? – Александр развел руки в стороны. – На ментов у меня аллергия, профессии нет, а чтобы ее получить – надо заработать. А без профессии как заработаешь? Такой вот получался замкнутый круг. Поэтому, как только мне подвернулась эта работа, я, знаешь, долго не раздумывал. С меня от того, что я пару-тройку лет покручу ляжками перед этими дурами, заработаю себе на учебу, матери на лекарства и нормальную жизнь – от этого с меня шапка не упадет, – закончил Кондратьев свой монолог и стал переодеваться в свою одежду. – Сколько я работал? – он глянул на Володьку. – Минут пятнадцать от силы. Здесь, – он взял в руки деньги, – без малого девятьсот долларов.

– Противно же, – скривился Локис. – Я бы не смог.

– А что делать? – приятель пожал в ответ плечами. – Один умный человек сказал: «Подлец человек – ко всему привыкает», – процитировал Кондратьев и добавил: – К тому же для меня эти выступления – актерство, кривляние, и не более того. Ты же не плюешь в клоунов за то, что сорокалетний или и того старше дядька напяливает на себя идиотский костюм и выпендривается на арене?

– Нет, – помотал головой Локис.

– Вот, – подтвердил Башка, – и мужья не уродуют своих жен-актрис за то, что она в кадре целуется с кем ни попадя. Потому что знают – это кино, актерство, профессия, в которой все происходит понарошку. Вот такую фишку я себе и придумал. Цирк. Кино. Называй как хочешь. Только платят как заслуженному артисту. Ну, может, немного поменьше. А я на роль заслуженного и не претендую, – добавил он и улыбнулся своей обезоруживающей, кондратьевской улыбкой.

– Умеешь ты красиво улыбаться, – растаял Локис. – Теперь я понимаю этих старых перечниц.

– Да уж, матушка-природа хоть что-то дала, – снова улыбнулся Башка и предложил: – Вот теперь, когда моя трудовая вахта закончена, можем и посидеть где-нибудь. А то я про себя все рассказал. Ну, почти. А про тебя я еще не выпытывал. Только не долго. У меня режим, сам понимаешь.

– У меня тоже, – с гордостью парировал Локис, но рассказать про свою новоармейскую жизнь не успел. В гримерку ввалилось в буквальном смысле чудо в перьях и, шипя, словно подколотая гадюка, накинулось на Александра.

– Ты-ы-ы ш-ш-ш-што-о-о себе позволяешь-ш-ш-шь, Кондратьев? – окрысилось чудо. – Разорить меня хочешь-ш-ш-шь?

– А в чем дело, Павел Михайлович? – то ли разыграл, то ли искренне удивился Башка. – Я в чем-то провинился?

– Он еще спрашивает! – возмущенно взвизгнуло чудо и перешло к обвинениям. – Ты почему отказался переспать с Музой Вячеславовной?

– Ах она еще и муза, – негромко пробормотал Локис, врубаясь, о каком эпизоде идет речь.

– Извините, Павел Михайлович, – спокойно парировал Александр, – но если вы забыли, так я напомню, что в моем контракте имеется пункт, который запрещает мне интимные связи с клиентами. Документ официальный, между прочим, – добавил он.

– Тебе ш-ш-ш-што, тяжело было с ней переспать? – не унимался хозяин заведения. – Или ты в первый раз слышишь, что от нее завишу и я, и весь этот клуб. Или тебе лишние деньги не нужны?

– Деньги всем нужны, – спокойно отреагировал Кондратьев, – и то, что от нее зависит и клуб, и вы, – я тоже знаю. И что теперь?

– Так какого лешего ты с ней не переспал?! Почему?! – взревел разгневанный хозяин.

– Потому, что **я** от нее не завишу, – грациозно парировал Башка. – Вы зависите – вы и спите, а меня увольте.

– А-а-а-а! – медведем вскинулся оскорбленный хозяин, ориентация которого вряд позволяла осуществить предложенное Кондратьевым действие. – Так тебе плевать на мое заведение? Ты уволен! – И он демонстративно и поспешно ретировался, чтобы не вступать в дальнейшие стычки и не выслушивать в свой адрес нелюбезных слов.

– Ну, уволен так уволен. – Башка пожал плечами вслед затворившейся двери. – В Москве, слава богу, таких заведений пока что хватает.

– Даже с избытком, – поддержал товарища Локис.

– Жаль, Медведь, но посидеть у нас с тобой сегодня не получится, – с сожалением вздохнул Сашка. – Вещички собрать надо, долги отдать да требовать, расчет получить... Сам понимаешь. Давай как-нибудь в другой раз, – добавил он, протягивая Локису номер своего телефона. – Звони, как будет время и настроение.

– Заметано, – пообещал Володя и в свою очередь протянул Александру клочок бумаги. – Позвони мне через пару дней. Я насчет тебя покумекаю и кое с кем переговорю.

– Имеешь что предложить? – удивился Кондратьев.

– Думаю, что имею, – кивнул Медведь, – а не понравится, на подиум ты всегда вернуться успеешь.

– А расценки? – деловито поинтересовался собеседник.

– Думаю, после визита хозяина они у тебя маленько упали, – высказал мнение Локис, – а в остальном – сойдемся.

На прощанье они крепко пожали друг другу руки, и Владимир вышел на свежий воздух. И тут же налетел на давешнего знакомого, похожего на Еременко. Тот нахально наступил Локису на ногу, брезгливо отстранил опешившего от такой наглости десантника в сторонку и двинулся дальше как ни в чем не бывало.

– Извиняться надо, папаша, – с вызовом бросил Володя.

Мужчина пристально посмотрел на Локиса, потом выразительно на двоих маячивших за его спиной верзил-телохранителей, презрительно усмехнулся и проследовал к выскочившему из гаража «Мерседесу». Драку затевать Володя не стал. Не та была кондиция, да и повод, в общем-то, выеденного яйца не стоил, чтобы лишний раз светиться в ментовке.

«Бог покарает», – справедливо решил Володя, глянул на часы и быстрым шагом направился в сторону ближайшей станции метрополитена.

Глава 3

Володя Локис еще больше, наверное, удивился бы, если бы узнал, что человек, так похожий на известного советского киноартиста, действительно носит фамилию Еременко, и поблагодарил бы судьбу за то, что не стал требовать с нахала сатисфакции за отдавленную ногу. Ибо тот к киноиндустрии не имел абсолютно никакого отношения и даже не знал о своем знаменитом однофамильце, потому что из-за плотного расписания рабочего дня посещать кинотеатры Виктору Викентьевичу Еременко, одному из ведущих советников Министерства финансов России, было недосуг.

В общем-то, завсегдатаем столичных ночных клубов чиновник тоже не был. Хотя бы по той простой причине, что большую часть времени проводил не в Москве, а в Нью-Йорке, Дублине, Париже, Мадриде и Берлине.

Вот и сейчас, спустя меньше суток после мимолетной встречи с Локисом, его автомобиль катил по улицам североамериканского мегаполиса. Правда, на сей раз в Нью-Йорк его привели не интересы министерства финансов, а свои собственные.

Будучи в Минфине не самым последним винтиком, а имея за спиной весьма значительный пост, Виктор Викентьевич, как всякий чиновник, приворовывал в силу своих способностей и возможностей. И того и другого у господина Еременко было с избытком, поэтому воровал он с размахом. Узнай кто-нибудь о тех суммах, которые благодаря изворотливому уму советника проходят мимо государства, российское правосудие наверняка добивалось бы для Виктора Викентьевича высшей меры наказания, несмотря на то что смертная казнь в России отменена.

И так поступили бы вовсе не из-за количества украденных денег, а хотя бы для того, чтобы господин советник замолчал окончательно и не потащил за собой деятелей, которые занимают в коррумпированном российском государстве куда более высокое положение, чем сам Виктор Викентьевич. Так сказать, из соображений личной безопасности.

Ведь понятное дело, что даже ограбить банк и вынести из него миллион в одиночку – процедура очень маловероятная, и без помощников здесь не справиться. А уж таскать из государственной кормушки сотни миллионов – тут и штат помощников, и ранг их должен быть соответственным.

И именно этим Виктор Викентьевич и занимался – воровал у государства деньги и распределял прибыль в виде взяток своим подручным. И надо отметить, что отличным специалистом господин Еременко был не только в должности советника Минфина, но и в качестве финансового мошенника ему тоже не было равных.

Он, собственно, ничего особенного не придумывал. Все гениальное, как обычно, оказалось до банального просто.

Как-то в один из моментов своей бурной, но тогда еще мало доходной и непродуктивной жизни Виктору Викентьевичу пришла в голову мысль о разности метрических систем у нас и в большинстве западно-европейских стран. У нас, скажем, метры и километры, у англичан – мили и ярды. У нас в ходу Цельсий, у них – Фаренгейт.

Вот тогда-то и задумался Виктор Викентьевич: а можно ли что-то поиметь, играя, словно биржевой маклер, на разнице этих самых общепринятых стандартов?

И оказалось, что – можно. И очень даже наварило. Особенно в части, касающейся нефти. У нас, как известно, добычу, переработку и продажу фиксируют в тоннах. В остальном мире – в баррелях. Один баррель – это обычная металлическая двухсотлитровая бочка. А бочка – это никак не вес. Это – объем.

Вот здесь и находился Клондайк! Нефть ведь разная бывает: разные месторождения, разный состав и что самое главное – разный вес! Казалось бы – чего проще? Тонна нефти, то есть

тысяча литров, – это пять двухсотлитровых бочек. Тут и калькулятор без надобности. Ан нет! Тонна-то может занимать по объему и пять, и четыре, и шесть бочек-баррелей!

В это самое мгновение перед глазами Виктора Викентьевича и предстала до смешного простая, но очень эффективная и, главное, доходная схема надувательства. Государство наше, как известно, одна из крупнейших стран – экспортеров нефти. И ставит задачу: продать столько-то миллионов тонн, то есть такое-то количество баррелей. Не вопрос! И Виктор Викентьевич продает ровно столько тонн, сколько ему дает государство. Но вот баррелей получается больше, чем планировалось. Немного, конечно, всего процентов на восемь-десять. Но, учитывая цены на углеводороды и объемы поставок, сумма выходила такая, что от громады планов у господина Еременко голова пошла кругом.

Однако трезвости мышления он не потерял, прекрасно осознавая, что одному такие объемы не поднять. Поэтому он взялся за осуществление своей грандиозной работы неторопливо и по-деловому, справедливо рассудив, что за такие деньги не продастся разве что папа римский, и то как знать...

С присущим ему энтузиазмом и старательностью Виктор Викентьевич взялся договориться с нужным для дела нефтедобытчиком, коим оказался бывший партийный функционер районного масштаба, а ныне один из крупнейших нефтепроизводителей Алексей Игоревич Шестопалов.

Теперь «легкая» нефть, добытая из шестопаловских скважин, с помощью хитрых документальных махинаций подменяла «тяжелую», которую следовало продать за бугор. А для проведения финансовых операций была создана целая сеть корпораций, которая занималась поставками на Запад сырья, а на Восток – валютной оплаты.

Цепочка замкнулась и, что самое главное, работала безотказно! Добытую в России «тяжелую» нефть оставляли России же, подменяя ее на более «легкую», а значит, более объемную шестопаловскую. Созданная корпорация, которую возглавлял бывший американский сенатор Оливер Стромберг, продавала ее как через сырьевые биржи, так и напрямую, непосредственно заказчикам. А разница оседала в карманах этой троицы. Приходилось, конечно, делиться и с другими «подельниками». Но, как правило, люди это были недалекие, всю систему махинаций предвидеть не могли и просто получали единовременную мзду за тот или иной подписанный документ.

Филиалы корпорации находились практически во всех странах мира, так что отследить, на какие счета они отсылают деньги, было практически невозможно. Штаб-квартира же корпорации находилась в Нью-Йорке.

Именно сюда, в головной офис, на встречу с нефтедобытчиком Шестопаловым и председателем правления Стромбергом и ехал сейчас ведущий советник Минфина России Виктор Викентьевич Еременко.

Оба партнера ждали его в офисе, удобно расположившись перед большим экраном плазменного телевизора и просматривая последние курсы цен на нефть с мировых бирж. Кривая показателей неумолимо и стремительно шла вверх, и настроение у соратников было хорошее, чего нельзя было сказать о Еременко.

Он стремительно вошел в кабинет, коротко поздоровался и сел чуть поодаль, ожидая, когда те соизволят заметить его присутствие.

Наконец, натешившись в предвкушении предстоящих баснословных барышей, они выключили телевизор и повернулись к советнику Минфина.

– Видал? – обратился к Еременко Шестопалов фамильярно, считая, очевидно, что так и должны в Америке обращаться русский к русскому. – ОПЕКУ надо сказать ба-а-а-альшее спасибо! Цены-то, цены! – Нефтедобытчик с азартом потер ладонью о ладонь и хитро глянул на советника Министерства финансов: – Ну, что, Виктор Викентьевич, я так полагаю, ты что-

то новенькое хочешь нам предложить, а? Так сказать, усовершенствованную форму отъема денег! Грех не воспользоваться таким скачком цен!

Еременко с сарказмом глянул на соотечественника, подождал, пока пройдет общая эйфория, и, затянувшись тонкой дорогой сигаретой, спокойно произнес:

– Господа, я попросил вас собраться, чтобы сообщить пренеприятное известие...

– К нам едет ревизор, – хохотнул сообразительный нефтяной добытчик.

– Хотя вполне возможно, что это известие не такое уж и неприятное, – поправился Еременко, не обращая внимания на бестактность. Немного помолчал, сосредоточивая внимание компаньонов, и произнес: – Я ухожу из дела.

– Из какого дела? – переспросил Шестопалов, не сообразив сразу, о чем идет речь.

– Из нашего дела, – с раздражением пояснил Виктор Викентьевич. – Из нашего общего дела. Из бизнеса, если вам так угодно, – добавил он и замолчал, ожидая реакции.

В офисе на секунду повисла такая тишина, что слышно было, как через несколько комнат кто-то безуспешно пытается заправить в факс бумагу.

– Зная вашу любовь к театру, мистер Еременко, я хотел бы уточнить, – первым пришел к себе председатель правления, – вы нас в очередной раз решили разыграть или это серьезно? – Американец пылливо склонил голову набок.

– Вполне, господин Стромберг. – Еременко решительно кивнул головой, давая понять, что шутить он и не собирался.

– Ты что, белены объелся? – выпучил глаза нефтяной добытчик, пытаясь вынуть свое грузное тело из вместительного глубокого кресла.

– Погодите, погодите, мистер Шестопалов. – Председатель правления жестом остановил неуклюжие потуги партнера. – Позвольте узнать, – он снова с любопытством посмотрел на Виктора Викентьевича, – а по каким причинам вы приняли такое решение?

– Я устал, – пожал плечами советник Минфина.

– Чего-о-о? – снова заерзал в кресле нефтяной магнат. – Ну, точно у тебя что-то с головой. Баррель почти двести баксов стоит, а он решил соскочить!

– Да, я решил соскочить, – решительно подтвердил Еременко. – Когда-нибудь это должно было случиться. Почему не теперь? – он снова пожал плечами.

По правде говоря, Виктор Викентьевич не очень-то и лукавил. Ни он, мозговой центр этой пирамиды, ни его партнеры, ни простые взяточники-бюрократы не предполагали, что можно будет зарабатывать таким способом вечно. Хапануть – и вовремя замести следы, вот и вся их задача. Главное – не попасться. Тут надо было постоянно держать ухо востро. И Еременко помнил об этом, как «Отче наш».

Шестопалов сидел на своей нефтяной игле и о подковерных событиях в коридорах власти имел весьма смутное представление. Американец Стромберг, председатель правления, тот и вовсе единственное, что мог знать, так это что у нас президент недавно поменялся. Еременко же очень хорошо разбирался во всех подводных течениях.

На место старых, проверенных и повязанных чиновников-взяточников приходили новые, совершенно незнакомые люди. Виктор Викентьевич не сомневался, что и они не прочь нагреть на нефтедолларах руки, но ведь просто так, с бухты-барахты к ним не пойдешь и не предложишь конвертик, мол, вы мне подпишите этот документик, а я вас уже отблагодарю... Кто их знает, а вдруг какой честный найдется? Нужно было начинать издали, исподволь, через совместные банкеты, бани и пирушки. На это потребуется время, а их бизнес ждать не мог. Торги ведь идут ежедневно, ежеминутно. Поэтому в отработанной схеме стали появляться огрехи. И с каждым днем шероховатости росли как снежный ком... Виктор Викентьевич прекрасно понимал, что рано или поздно одна из многочисленных зацепок вылезет наружу и за нее обязательно потянут. А коль потянут за ниточку, то уж распутают весь клубок.

Да, конечно, Шестопалов был прав – очень не хотелось уходить сейчас, когда цены на нефть таким галопом рванули вверх, но еще больше не хотелось представлять пред светлы очи правосудия. Как говорится, своя рубашка ближе к телу. Пока не поздно, надо было уходить.

– Ну и соскакивай, – презрительно фыркнул нефтедобытчик, – хозяин – барин. Нам же со Стромбергом больше достанется. Верно, Оливер? – Он покосился на американца, но тот напряженно молчал, понимая, что разговор далеко еще не закончен.

– И поскольку я ухожу из дела, – Виктор Викентьевич подтвердил догадку председателя правления, – я хотел бы получить свою долю.

– И все? – Американец пристально смотрел на Еременко.

– Плюс процент, так сказать, за «авторство» и за молчание, – подытожил советник Минфина.

– И сколько же вы хотите, мистер Еременко? – Председатель правления хищно прищурился.

Вместо ответа Виктор Викентьевич написал на салфетке сумму и молча подошел к бывшим уже компаньонам.

– Я думаю, это вполне справедливо. – Он протянул запись и вернулся на свое место.

– Ты совсем охренел?! – сипло выдавил из себя Шестопалов.

– Господа, – мягко проворковал Виктор Викентьевич, – я думаю, торг здесь неуместен. Я прекрасно осведомлен о доходах нашего бизнеса, в котором вы, кстати, остаетесь и сможете восполнить небольшую финансовую прореху. К тому же, будучи по роду деятельности человеком скрупулезным, я тщательно собирал копии всех мало-мальски значимых документов. Я не шантажист, но если этим бумагам дать ход, то этим делом заинтересуется не только Генпрокуратура России и следственный комитет конгресса США, но и ряд подобных ведомств во многих странах мира. Вселенский, планетарный скандал... – Еременко театрально скорчил скорбную мину. – Я думаю, – продолжил он, налицедействовавшись, – что мое молчание и пухлая папка с документами стоят этой мизерной суммы.

– Предположим, – холодно ответил бывший сенатор конгресса США и уточнил: – Это все?

– Еще один маленький пунктик. – Виктор Викентьевич негромко откашлялся и продолжал: – Может быть, это несколько и бестактно, но бизнес есть бизнес. Сейчас, знаете ли, все научились взрывчатку делать, да и снайперскую винтовку в любом магазине купить можно... – Еременко патетически вздохнул. – Поэтому означенную сумму я хотел бы получить наличными...

– Ты что, земляк? – Шестопалов посмотрел на Виктора Викентьевича, как смотрит врач психушки на своего пациента. – Это же полвагона денег. Ты что, будешь развезжать по Америке с фурой, набитой миллионами?

– Действительно, – поддержал компаньона Стромберг, – почему бы нам не перевести эти суммы на анонимные счета? Или вы сомневаетесь, что мы их переведем?

– Ну что вы! – с пафосом воскликнул Еременко. – Я боюсь, что вы переведете, а потом сами же эти счета и заблокируете. Бизнес есть бизнес, – снова вздохнул Виктор Викентьевич, потупив очи долу.

– Как мы получим документы? – жестко поинтересовался Стромберг.

– Вам их передадут через пять дней после того, как я получу деньги, – ответил Виктор Викентьевич, – по моему звонку.

– Нашел дураков! – выпалил Шестопалов. – Почему это мы должны тебе верить?

– А у вас нет другого выбора, – пожал плечами советник Минфина. – И потом, я же тоже в них фигурирую, – напомнил он, – хоть и не в такой степени, как вы. Кроме того, я хочу их продать, а не воспользоваться ими. Иначе я бы это уже давно сделал.

Компаньоны снова замолчали, обдумывая полученную информацию, и после минутного размышления Стромберг встал.

– Хорошо, – отчеканил он, – вы получите то, что хотите. Но, как вы понимаете, нам необходимо время, чтобы обналить такую сумму денег.

– У вас ровно три дня. – Еременко встал вслед за председателем правления. – Но не больше.

Он галантно поклонился бывшим поделщикам и вышел. Делать ему в этих стенах больше было нечего.

– И что вы обо всем этом думаете, мистер Шестопапов? – поинтересовался бывший сенатор у нефтяника, едва за Еременко закрылась дверь.

– Этот сукин сын способен на все. – Алексей Игоревич безнадежно махнул рукой. – Черт с ними, с деньгами, но я ему не верю. Свалит в какой-нибудь Занзибар, а потом сдаст нас с потрохами или сольет информацию в СМИ...

– Вряд ли. – Стромберг задумчиво теребил подбородок. – Он прав: за ним ведь тоже кое-какие грешки имеются. Зачем ему подставляться?

– Взорвался бы его самолет к едрене-фене, – обреченно произнес Шестопапов, выбираясь из кресла.

– А вот тут вы не правы, – возразил Стромберг. – Надо молиться, чтобы с ним ничего не случилось до тех пор, пока документы не попали к нам.

Шестопапов тоже направился было к выходу, но задержался на секунду и, глянув на председателя правления, тихо произнес:

– Интересно, где он прячет документы? Не тот это человек, чтобы кому-нибудь доверять. Даже ячейке банка. Мне кажется, весь компромат путешествует вместе с ним... – с этими словами нефтяник удалился, оставив Стромберга в одиночестве.

Глава 4

Позади Локиса раздался шумный всплеск, заставивший его оглянуться. Зацепившись за какую-то подводную корягу, Кондратьев плюхнулся в болотную жижу и теперь, устало поднявшись, отплеывался от попавшей в рот грязи и тины.

Володя глянул на часы. Судя по тяжелому дыханию Кондратьева, в норматив этой части «допуска» его друг явно не укладывался. С парашютом Сашка прыгнул – это для бывшего десантника не проблема, а вот на марш-броске затормозил. А впереди еще стрельбы да разминирование, где дыхание должно быть ровным, а пальцы гибкими и уверенными, а не трясущимися. И кроме этого, в «допуск» входит еще спарринг с тремя «свежими» спецназовцами. Это, так сказать, на закуску.

И все нормативы идут чередой, один за одним, без привалов, перекуров и отдыха. Таковы условия сдачи «допуска на спецназовца». Он-то, Локис, к этому уже привык. Такие нормативы они в обязательном порядке сдают раз в три месяца, а вот его бывший армейский дружок, видимо, подрастерял былые навыки, пока крутил перед бабами задницей.

– Что, братишка, подустал? – крикнул Володя, шагая по пояс в болоте к другу. Кондратьев только молча закивал головой, стараясь отдышаться. – Давай-ка помогу, – предложил Локис, закидывая на свое плечо увесистый вещмешок сослуживца. – Ничего-ничего, – ответил он на молчаливый протест друга, – силенки у меня пока еще есть. Пошли... – И бывшие десантники затопали дальше, увязая ногами в тяжелом илистом грунте неглубокого болота.

– В горах... легче... было... – просипел Кондратьев, рассекая грудью мутную воду.

– Суше было, – ответил Локис, чтобы поддержать товарища еще и беседой, – а легче не было. Помнишь, сколько «снаряги» с собой таскали? Полцентнера! Эта полегче...

Кондратьев снова ушел под воду, но на сей раз вещмешок не тащил ко дну, и вынырнул он быстро.

– Привыкнешь, – успокоил друга Володька.

– Нырять? – поинтересовался бывший сослуживец, снимая с лица ошметки ряски.

– Не, к снаряжению, – пояснил Локис, – а то, что еще шутишь, – это хорошо. Значит, силенки еще есть. Давай сюда автомат. – Володя потянулся к товарищу. – Надо поднажать, а то не уложимся.

– Оружие не дам, – коротко ответил Кондратьев, сделал несколько глубоких вдохов и рванул вперед. – До берега недалеко осталось, – сообщил он другу, который едва поспевал за ним, – на берегу я у тебя возьму вещмешок обратно. Мне надо совсем немного передохнуть...

– Давай вперед, – посоветовал бывшему сослуживцу Локис, – отдышись пару секунд на берегу. Я догоню.

Сашка рванул вперед. «Ничего, – подумал про себя Володя, – сейчас переведет дух, оклемается. Дальше почти весь маршрут с горочки бежать. Должны успеть. Лишь бы Сашка уложился».

За себя Локис не переживал. К таким испытаниям на выносливость он уже привык и реагировал спокойно. Как-никак, а служба в элитном подразделении спецназа парашютистов медом никак нельзя было назвать. Гоняли тут до седьмого пота. Только в отличие от армейской службы, где все эти бесконечные кроссы и марш-броски кажутся ненужной дурью дяденек со звездочками на погонах, здесь Володя уже не раз убеждался на личном опыте, что от таких физических нагрузок и тренировок на полигонах зачастую зависит, выживешь ли ты в боевых условиях. И если сравнивать с теми же десантниками, которые за всю службу боевыми патронами стреляют разве что в тире, – их подразделению спецназа, созданному, кстати, по договоренности Министерства обороны и ФСБ России, приходилось частенько применять оружие по прямому его назначению...

Володя снова посмотрел на часы. Хоть идти по грудь в болотной воде, увязая ногами в тине, да еще тащить на себе два вещмешка весом почти под полцентнера было очень тяжело, Локис все-таки прибавил шаг. Он заметил на уже близком берегу рядом с Сашкой офицера-наблюдателя и, зная характер Кондратьева, поспешил на нечаянное randevu, которое для его сослуживца могло закончиться очень даже печально.

Так оно, в общем-то, и случилось. Еще только продираясь сквозь прибрежные камыши к берегу, Володя услышал суровый вопрос офицера, обращенный к Башке:

– Где ваш вещмешок, товарищ младший сержант?

– Здесь-здесь, – отозвался из зарослей Локис, заступаясь за друга перед невидимым куратором. – Все на месте, товарищ капитан.

Тяжело дыша, он наконец ступил на твердую землю и протянул «сидор» Кондратьеву. Не обращая внимания на офицера, друзья поправили амуницию, готовясь продолжить марш-бросок, однако старший по званию остановил их:

– Это что еще за фортели такие? – Капитан сурово смотрел на сослуживцев. – Как это называется?

– Это называется взаимовыручка, товарищ капитан, – спокойно ответил за себя и за товарища Локис, пошевелил плечами, проверяя, насколько удобно лежит за спиной рюкзак, и товарищи было припустили трусцой, но их снова остановил суровый окрик офицера:

– Отставить!

– Товарищ капитан, – Володя с раздражением глянул на старшего по званию, – нормативы никто не отменял, а мы и так впритирочку укладываемся...

– Кондратьев, вперед, бегом марш! – скомандовал капитан, и Александр послушно засеменил по маршруту. – Локис – со мной, – снова распорядился офицер и бодро затрусил рядом со спецназовцем, метрах в двадцати позади Кондратьева.

– Вот что, сержант, – обратился к Володе контролирующий, приминая сапогами хвою, – кто тебе позволил тащить за Кондратьева вещмешок?

– Так без взаимовыручки... нигде не обойтись... товарищ капитан... – После семи километров марш-броска с полной выкладкой Локис выглядел не так свежо, как бегущий рядом офицер.

– Ты мне эти штуки брось, – отрезал старший по званию. – Если ты его порекомендовал в нашу часть – это не значит, что ты за него отвечаешь. Или ты с ним нянчиться собираешься?

Локис молчал, тяжело перебирая мокрой обувью.

– Так вот, – сурово продолжал офицер, – здесь – спецназ, а не Красный Крест и не товарищество взаимовыручки. Мне надо знать, на что способен в данную минуту каждый боец. Каждый! – Капитан на бегу снял фуражку и вытер рукавом гимнастерки со лба пот. – В бою помогать будешь, а не здесь. Сегодня ты за него вещмешок тащил, потом норматив по стрельбе за него сдашь, послезавтра – с парашютом прыгнешь...

– С парашютом Сашка... и сам может... Легко... – вступился за друга Локис.

– Ты все прекрасно понимаешь, – отрезал капитан. – Мне в подразделении нужны два полноценных бойца, на которых я могу положиться и которые в боевой обстановке четко и грамотно выполняют поставленные им задачи. Или ты собираешься выполнять одновременно две?

– Не получится, товарищ капитан... – До конца маршрута оставалось всего ничего, километр-полтора, и на Володю навалилась страшная усталость. Единственное, что радовало, так это то, что Сашка не сбавлял темпа, а так и держался метрах в двадцати впереди них. Володя глянул на часы.

– Уложите, – успокоил его офицер. – Но чтобы это было в последний раз. Расходного материала, мечтающего служить в нашей части, у нас много. Обученного и подготовленного не хуже Кондратьева. Еще раз увижу такую самодеятельность...

– Понятно, товарищ капитан. – Локис на бегу кивнул головой.

– Надеюсь, – ответил старший по званию. – Догоняй своего недоделка. – Он кивнул в сторону Кондратьева и остановился.

Володя поднажал, и финишную черту товарищи пересекли вместе.

– Норма... – хрипло произнес Сашка, запрокинув назад голову и тяжело глотая воздух пересохшим ртом. Перед нормативами по стрельбе была минутка-другая свободная: выйти на исходную, подготовить и проверить оружие, немного восстановить дыхание, и Кондратьев не преминул воспользоваться ею.

– Что это за перец такой? – озабоченно спросил он у Локиса. – Капитан, а форсу, как у генерала.

– Нормальный мужик. – Локис достал из подсумка снаряженный боевыми патронами магазин и пристегнул рожок к автомату. – Несколько ранений, в том числе и тяжелые, медаль «ЗБЗ», две «Красные Звездочки».

– Такое ощущение, что штабист какой-то...

– Он по делу говорил, – немного жестко ответил Володя. – Ты не болтай, а сосредоточься на стрельбе. Вопросы потом задавать будешь, после спарринга, – и с иронией добавил: – Если дойдешь до него.

– Я дойду, – пообещал Кондратьев, – мне эти игры снова начинают нравиться.

– Ну, давай, братан, держи слово, – подбодрил друга Локис. – Я знаю, что ты можешь. А вечером мы с тобой это дело и отметим. Приглашаю ко мне в гости.

– Заметано, – откликнулся Кондратьев, поудобнее прилаживая щеку к твердой древесине автоматного приклада.

Глава 5

Этот день в нью-йоркском аэропорту Кеннеди ничем не отличался от остальных будней. И аэропорт ничем не выделялся среди других таких же крупных сооружений, расположенных по всему миру. Те же толпы людей, улетающих, прибывших и ожидающих своего рейса, такие же надоедливые объявления под однообразные звуки, вежливые, но уставшие до безумия сотрудники, примостившиеся среди кофейно-попкорновых автоматов хитроватые торговцы самым разным ширпотребом, толкотня и шум, напоминающий растревоженный медведь шумный улей, гул которого иногда заглушал рев садящихся и взлетающих авиалайнеров.

Единственным местечком, оазисом относительного спокойствия во всем этом громадном здании была изолированная от остального мира дипломатическая зона. Здесь было не так многолюдно, и давящий на нервы людской гам доносился издалека. Да и народ в этом мирке был чинный, респектабельный и не шебутной – все больше представители разноцветных и разнокожих государств планеты.

Но не только это отличало дипломатическую зону от остального терминала аэропорта. Здесь не было досмотра, а значит, не было очередей. Весь процесс посадки на рейс проходил тихо, гладко и спокойно. Обслуживающий персонал в этом месте тоже был свой, проверенный и соответственно подготовленный.

Сегодня на этом островке международного единения находились представители и российского государства. А именно: Алексей Игоревич Шестопалов и Виктор Викентьевич Еременко. Сопровождал своих компаньонов господин Оливер Стромберг.

В данную минуту вся троица очень внимательно разглядывала ленту транспортера, по которой за резиновый коврик неспешно уплывали несколько вместительных кожаных мешков, в таких обычно отправляется вся дипломатическая почта. Мешки эти, как и положено, были опломбированы, и находиться в них могло все, что угодно. Частенько бывало, что в таких вот неприметных мешочках, кроме дипломатической переписки, уплывала за рубеж секретнейшая разведывательная информация, похищенные картины великих мастеров, ценнейшие предметы антиквариата, а иногда и килограммы наркотиков.

По давнишней договоренности между всеми государствами, ни один правоохранительный орган страны, никакой таможенник или пограничник не имел права не то что досматривать, а даже просто вскрывать дипломатический груз. Все, что вмещали в себя эти кожаные внутренности, было неприкосновенно. Что бы в них ни находилось. Хоть ядерная бомба.

Сейчас же по эскалатору мирно уплывали два мешка, плотно набитых пачками столлларовых банкнот, и бывшие соратники вождеденно провожали груз глазами, пока тот не скрылся из виду.

– Вот и все, – радостно подытожил увиденное Виктор Викентьевич, – лед тронулся, господа присяжные заседатели, лед тронулся!

– Тоже мне, Остап Бендер, – кисло ухмыльнулся Шестопалов. – Кстати, он тоже хорошо начинал... – напомнил он работнику Минфина ильфо-петровский сюжет.

– Ну-ну, – бодро откликнулся на реплику Еременко, – не надо трагедии. Я умею учиться не только на своих ошибках!

По правде говоря, Виктору Викентьевичу было от чего резвиться. Бывшим его компаньонам, поставленным перед суровыми фактами, ничего не оставалось делать, как только согласиться на все требования Еременко. Деньги Виктор Викентьевич получил точно в указанный им срок. А дальше он действовал по своему, заранее продуманному им плану. Часть наличности, объем которой, кстати, оказался не так уж и велик, он распределил по разным банкам на только ему одному известные счета, остальную долю самолично запихнул в заветные дипломатические мешки.

Виктор Викентьевич отлично понимал, что нелепо обращаться в посольство, скажем, Франции, Германии или Англии с просьбой запломбировать мешки печатями своих диппредставительств. Скрупулезные и дотошные европейцы все кишки вымотали бы ненужными вопросами. Светиться в своем родном посольстве и вовсе не было никакого резона. А посему эту проблему Еременко решил сразу и комплексно. Деньги, как говорится, пробьют дорогу везде. Поэтому за определенную и не очень высокую мзду он в течение двух часов стал гражданином Республики Буркина-Фасо. И не просто гражданином, а человеком, который представляет в Нью-Йорке дипломатические интересы этой самой республики. Ну а получив дипломатический статус, опечатать мешки со столларовыми пачками и отправить их по нужному Еременко адресу уже практически ничего не стоило. Так, пару пачек банкнот...

Сейчас Виктор Викентьевич проводил эти вожделенные мешки на борт самолета, отправляющегося рейсом в Дублин. А уж кто знает, куда может полететь дипломат из Буркина-Фасо?

Виктор Викентьевич довольно потер руки. Все складывалось именно так, как он и задумывал.

Приятное состояние эйфории прервал раздраженный голос председателя правления Стромберга:

– Мистер Еременко, – он мягко тронул Виктора Викентьевича за рукав рубашки, – как вы видите, мы с господином Шестопаловым все свои обязательства выполнили полностью. У вас есть какие-нибудь претензии к нашей стороне?

– Нет, – кивнул головой новоиспеченный африканский дипломат, – никаких.

– В таком случае мы бы хотели ответных действий. – Стромберг в привычной ему манере повел деловые переговоры. – Мы бы хотели получить от вас все документы, – напомнил он.

– Друзья, – Еременко все еще находился в состоянии эйфории, – вы их обязательно получите.

– Друзья, – презрительно хмыкнул Шестопалов, передразнивая Еременко, но тот не обратил на это никакого внимания.

– Когда? – нетерпеливо поинтересовался Стромберг.

– Как только я окажусь в безопасности, – ответил Виктор Викентьевич. – А то вон, уже какого-то соглядатая ко мне приставили. – Он кивнул в сторону невзрачного вида гражданина. Одеждой и манерами поведения этот серенький человек походил на самого заурядного клерка. Он ничем не отличался от других, ничем особенным не выделялся, разве что очень ненавязчиво, но настойчиво старался держаться поблизости от господина Еременко.

– Обычная мелкая дипломатическая сошка, – раздраженно отреагировал на реплику бывшего компаньона Стромберг и снова настойчиво вернулся к интересующему его вопросу: – Так когда мы сможем получить документы?

– Да не беспокойтесь, – успокоил Еременко слегка занервничавших компаньонов, – документы находятся в надежных руках.

– Насколько надежных? – в свою очередь поинтересовался Шестопалов. – Сам понимаешь, что от этого зависит...

– Как в моих собственных. – Еременко прижал правую руку к сердцу. – Мне ведь тоже не нужны лишние сложности... – пояснил он и добавил: – Как только я окажусь... э-э-э-э, ну, скажем, там, где я хочу оказаться, вам их обязательно доставят без промедления. Можете мне поверить.

– Хотелось бы... – недоверчиво проворчал нефтедобытчик и вздохнул.

– Извините, друзья, – Виктор Викентьевич озабоченно глянул на часы, – но на мой рейс заканчивается регистрация. – Он протянул руку Шестопалову. – Да не дуйте вы, в самом деле, – возмутился Еременко, видя, что бывшие компаньоны не спешат подавать ему руки. – Когда-нибудь это должно было закончиться. Мы с вами организовали славное предприятие, заработали из воздуха кучу денег. Которых, кстати, могло и не быть, если бы не я. Все оста-

лись с барышами. Я решил уйти. Мое время вышло. Вы еще в деле, еще получите целую кучу навару. Я только взял свою долю, которая мне честно причитается. В чем проблемы? – Виктор Викентьевич непонимающе пожал плечами.

– В документах, – отрезал Шестопалов.

– Это моя страховка, – напомнил Еременко. – А как бы вы поступили в подобной ситуации? – Он пристально посмотрел на бывших компаньонов. – Время сейчас такое. За двадцать баксов убить могут, а тут... Вы уж меня извините за эту маленькую слабость. – Он снова протянул руку, и на этот раз рукопожатие состоялось.

– Счастливого пути, – немного расчувствовавшись, произнес Стромберг. – В конце концов, вы где-то правы...

– Обниматься не будем, – улыбнулся в ответ Еременко. – Счастливо оставаться! – Он приветливо махнул рукой и направился к регистрационной стойке.

Сзади за ним, будто приклеенный, пошел невзрачный клерк. Так, почти рука об руку, они и прошли регистрацию. Настороженный Виктор Викентьевич прекрасно просек, как опытно и незаметно клерк заглянул в его дипломатический паспорт, когда документ просматривал таможенник. Значит, насчет «хвоста» он не ошибся.

«Эх, компаньоны-компаньоны... – усмехнулся про себя советник Минфина России, – как дети, честное слово... Ладно, дайте только до Дублина добраться. На ваши младенческие козны у меня имеется сотня контраргументов».

Он вежливо поблагодарил служащего, получил назад паспорт и направился к самолету.

– Пойду, пропущу стаканчик-другой, – расстроено вздохнул Шестопалов. – Не составишь компанию? – обратился он к Стромбергу, едва их бывший компаньон скрылся из виду.

– У меня сегодня есть еще одно дело. – Председатель правления с сожалением пожал плечами и направился на выход, к поджидавшему его лимузину.

Однако, усевшись в кожаное автомобильное кресло, он не приказал шоферу торопиться. Наоборот. Он налил из бара глоток виски, выпил, закрыл глаза и стал ждать. Минут через десять в машине раздался звонок.

– Да? – моментально среагировал Стромберг. – Да, улетел. Все в порядке. Нет, документы пока что не отдал. Да. Будем надеяться... И вам всего хорошего, – закончил он разговор и только тогда приказал водителю: – В офис.

Глава 6

– Ну что, Александр Гаврилович? – Володька встал из-за стола и торжественно приподнял в руке хрустальную рюмочку с водкой. – Давай, друг, выпьем за тебя. За то, что не растерял ты в своем стриптиз-клубе армейских навыков и, главное, солдатской чести. Выпьем за нормативы эти, которые ты с успехом сдал. Синяки эти пройдут. – Он кивнул подбородком на заплывший глаз товарища. – У меня, кстати, после спарринга все лицо было одним сплошным синяком. Фингалы пройдут, а ты – останешься в славных рядах нашего подразделения. Со вступлением тебя и первым, хоть и учебным, крещением, – закончил Володька свой тост и звонко чокнулся сперва с сослуживцем, потом с матерью, которая сидела с боевыми товарищами за одним столом.

– А что, – не преминула вставить свое слово родительница, – у вас в части разве бывают и боевые крещения? – Она с подозрением глянула на сына.

– Мама, не цепляйся к словам, – отмахнулся Володя, – это просто так говорится. Все так говорят. – Он снова потянулся к бутылке.

– Ты куда это так разогнулся? – возмутилась мать, сурово глянув на Локиса.

– Так за вас же, за родителей, надо обязательно. А как же? – нашелся Володя и добавил: – За тебя, мама.

– Поддерживаю, – откликнулся Кондратьев и тоже встал. – За вас, Антонина Тимофеевна.

Против такого святого тоста возразить было нечего, и женщина с горестным вздохом приняла из рук сына свою рюмку.

Выпив, компания на минуту приутихла, припав к аппетитным домашним разносолам.

– Сашенька, не разочаровался? – Антонина Тимофеевна первой оторвалась от снеди. – Как тебе опять попасть в армию?

– Честно говоря, я ожидал увидеть немножко другое... – уклончиво ответил Кондратьев. – С возрастом как-то по-иному начинаешь относиться к этим нелепым бегалкам-стрелялкам... Там, на Северном Кавказе была война. Там все было понятно. А муштра ради муштры...

– Зато человеком себя чувствуешь! – бодро откликнулся Локис. – Здоровым молодым мужиком! Защитником Родины! Не будет стыдно за бесцельно прожитые годы! А муштра в армии всегда была, чтобы в бою не сплеховать.

– В каком бою, Володя? – снова озабоченно поинтересовалась женщина. – Что ты все про бой, а?

– Да это я к слову, мама. – Володька опять взял в руку поллитровку. – Тяжело в учении – легко в бою. А вдруг завтра какая-нибудь нечисть решит объявить нам войну? Что тогда?

– Типун тебе на язык, – покачала головой мать. – Мелешь абы что.

– Вот, – подытожил Локис, – тост сам и родился. За мир на земле и согласие в семье.

Антонина Тимофеевна и Кондратьев покачали головами, но наступать тосту на горло не стали. После третьей, как водится, образовалась разговорная пауза, и инициативу в беседе взяла на себя Володькина мама.

– Сашенька, а чего же вы на службу эту пошли, коли она вам не нравится? – снова поинтересовалась Антонина Тимофеевна, внимательно глядя на гостя.

– Ма, с чего ты взяла, что Башке это не нравится? – вступился за товарища Локис. – Он ведь сам пошел, никто его силком не тащил. Не нравилось бы – не отмечали бы мы сейчас его сдачу.

– Я вижу, – коротко ответила женщина и снова посмотрела на сослуживца сына.

– Да нет, Антонина Тимофеевна. – Александр отвечал без тени кокетства или скрытности. – Мне не то чтобы не нравится. Какая разница, где и как зарабатывать деньги? Хоть стриптизером, хоть солдатом – лишь бы прилично платили.

– Так ты что, только из-за денег к нам пошел? – искренне удивился Локис. – В жизни не поверю. Не наговаривай на себя.

– Я не наговариваю, а смотрю на вещи трезвым взглядом, – парировал Кондратьев и пояснил: – Я не офицер, значит, военная карьера мне не светит. Не ходить же всю жизнь в младших сержантах. Это смешно. Да и со стороны выглядело бы очень нелепо: сорокалетний младший сержант.

– Так ведь можно же поступить в военное училище, – подсказала Антонина Тимофеевна.

– Он у нас в дипломаты метит, – ответил за друга Локис. – В МГИМО, в Гарвард или на худой конец в этот... как его?

– Оксфорд, – подсказал Александр.

– Во-во, в Оксфорд, – поддакнул Володя. – Кстати, а кого из этого твоего Оксфорда выпускают? Банкиров? Или, может, это высшая школа стриптиза? – беззлобно хохотнул Локис и разлил по рюмкам водку.

– Володя, – одернула сына хозяйка, – как не стыдно!

– Да ладно, ма, – отмахнулся спецназовец, – мы с Сашкой, можно сказать, огонь и воду прошли. Чего нам друг на друга обижаться? Это я так, для поддержания разговора ляпнул, – пояснил он. – Не об Оксфорде ж разговаривать. У меня от заумных разговоров нервный тик начинается.

– Ну, так включи телевизор, – осадила сына мать, – найди себе какой-нибудь боевик. Пощелкай каналами, наверняка найдешь. А мне, может, с гостем поговорить хочется. Все-таки новый человек, твой сослуживец.

– Про Оксфорд, что ли? – всерьез озаботился Локис.

– А хотя бы и про него, – поддакнула мать. – Человек, видишь, о будущем печется, думает, как жизнь свою дальше обустроить.

– Ага, – согласился Володя, – сперва для банкиров танцевал, а теперь сам в банкиры метит. Ничего не поделаешь, законы эволюции. – Он со вздохом поднял свою рюмку и произнес: – Наш Коноваленко, капитан, который нас у болота встретил, – пояснил он Кондратьеву, – любит повторять: «Народ, который плохо заботится о своей армии, рано или поздно будет вынужден хорошо заботиться о чужой». Так вот – выпьем за нашу армию, – подытожил он и опрокинул содержимое рюмки в рот. – Я не против банкиров и бизнесменов, – продолжал он, переведя дух, – от них никуда не денешься. Хотя раньше как-то обходились. Я за настоящих мужиков, которые могут защитить и себя, и мать, и Родину, – с хмельным пафосом закончил Локис свой монолог.

– А я что, по-твоему, себя защитить не могу? – Александр воспринял выпад друга в свой адрес.

– Можешь, – признался Локис. – Я сегодня на спарринге лично убедился.

– И что, мне теперь, по-твоему, один путь определен? Всю жизнь бегать через болото по горло в вонючей воде? Премного благодарен. – Кондратьев театрально поклонился. – Это можно проделывать, пока здоровье позволяет. А потом что? Спецназовцы, как и спортсмены, долго в профессии не живут, – вынес он свой окончательный вердикт.

– Как это? – не согласился Локис. – А Комаров наш, Василий Игнатьевич, бывший наш командир роты? Он, кстати, в нашей части служит, тебя хорошо помнит и словечко за тебя замолвил. Капитан Коноваленко, опять же. Их, по-твоему, в расход списать надо?

– Это же офицеры, балда. – Кондратьев снисходительно глянул на непонятливого друга. – Отцы-командиры. Они небось кроссы каждый день не наяривают. Я же о рядовых толкую, о таких же парнях, как мы с тобой. О людях, которые не приказывают, а эти самые поставленные

задачи выполняют. Ты представляешь себя в сорок лет, при полной амуниции бегущим по болоту, как сегодня? Я себя – нет.

– А че? – Володька на секунду задумался и потянулся за очередной порцией спиртного. – Мне в армии нравится. Надежные друзья, уважают меня по-настоящему, а не карьерным жополистом занимаются. Мир посмотреть можно...

– Какой мир? – встрепелась Антонина Тимофеевна, доселе внимательно слушавшая безобидную перебранку сослуживцев.

– Мамуля, приготовь мне под сигаретку кофе, а? – попросил он маму, деликатно удаляя от мужского разговора. – Очень курить хочется.

Мать послушно двинулась на кухню, и, дождавшись ее ухода, Локис продолжал:

– Я, конечно, на красный «Феррари» на этой службе не заработаю, но не всем же на них ездить. И генералами не всем быть. Кто-то должен оставаться и простым исполнителем. Моя должность и звание на данный момент меня вполне устраивают.

– Вот именно, что на данный момент, – акцентировал Кондратьев.

– А чего заглядывать на годы вперед, а, Башка? – пожал плечами Володька. – Жизнь по-всякому повернуться может. Поживем – а там посмотрим.

– Хорошо тут у вас. – Тема разговора была исчерпана, и Кондратьев стал закругляться. – Вроде бы и Москва, а вроде бы и нет. Свой уклад, своя жизнь...

– Это точно. – Локис расплылся в широкой улыбке. – Балашиха – это отдельный разговор. Мне, по правде говоря, не очень нравится толкотня. Я больше простор люблю.

– А я вот к столице привык... – резюмировал Сашка. – Ну, давай на посошок. Время позднее, пора и честь знать.

– Какой-то у тебя друг... Непонятный. А я непонятных людей не люблю, – бросила сыну Антонина Тимофеевна, когда тот, проводив гостя, пришел на кухню выкурить под кофе сигарету.

– А чего в нем непонятного? – удивленно глянул на мать Локис. – Учиться пацан хочет. К нам пришел подработать. Для того и существует у нас контрактная система. Хочешь – продавайся на два года, хочешь – на пять. Можешь и на всю жизнь.

– Какой-то он... чересчур уж расчетливый и прагматичный, – покачала головой опытная женщина.

– Скажешь тоже! – не согласился с матерью сын. – Он же не подался опять в стриптиз, а к нам пришел. А службу в нашей части пряником никак не назовешь.

– И опять же, что это за профессия для мужика – стриптизер? – не унималась Антонина Тимофеевна.

– Профессия, ма, конечно, говно. Тут я с тобой согласен. – Володька кивнул головой. – Ну а что делать после армии пацанам без профессии? Я вон в литейке целый год корячился. Он в стриптизеры подался. В бандиты же не пошел и не воровал, вот что главное. Да я уверен, что он понял, в чем его призвание. Только для виду хорохорится, сопротивляется. Понятно, что поначалу тяжело. Ничего, привыкнет. Через пару месяцев ты от него услышишь совсем другую песню!

– Твои бы слова, сынок, да богу в уши... – озабоченно вздохнула мать и принялась убирать со стола остатки пиршества.

Глава 7

Виктор Викентьевич сладко потянулся в утробе тяжеловесного «Боинга-767» и посмотрел на часы. Спал он, оказывается, не так уж и много, и до конца полета оставалось еще добрых два часа.

Новоявленный мультимиллионер после сна протер влажной пахучей салфеткой лицо и с любопытством осмотрел салон бизнес-класса. За последние несколько дней он так измотался морально и физически, что, оказавшись в удобном кресле авиалайнера, тут же уснул.

Впрочем, любопытство господина Еременко носило очень даже персонифицированный характер. Его мало интересовали холодно-вежливые теперь уже коллеги – представители дипломатического корпуса из нескольких стран. Немного привлек своей экзотичностью «арабский шейх», так охарактеризовал для себя Виктор Викентьевич восточного типа человека, одетого в цивильный европейский костюм, но в белоснежном тюрбане, в котором гордо, хоть и одиноко, поблескивал крупный рубин.

Кроме дипломатов и шейха, в салоне летела пожилая парочка американцев, которые всю жизнь не покладая рук работали лишь для того, чтобы оплачивать счета по кредитам и вот теперь, в свои семьдесят лет, позволить себе попутешествовать по старушке Европе.

Пересекали Атлантику и несколько бизнесменов, которые даже во время полета не переставали щелкать клавиатурой своих ноутбуков. Они бы с удовольствием полетели и в салоне попроще, сэкономив при этом пару сотен долларов, но приходилось держать респект. Что поделывать, если Карнеги перевернул понятия с ног на голову?

Кроме публики, характерной для пассажиров салона бизнес-класса, летела и одна весьма экзальтированная личность: до неприличия волосато-бородатый мужчина лет пятидесяти, в потертых джинсах и ковбойской шляпе. Явно один из последних представителей давно вымерших хиппи. Скорее всего, даже один из их лидеров или музыкальных рок-кумиров, списанных нынче за ветхостью в утиль.

Отыскался и предмет любопытства Виктора Викентьевича – давешний незаметный человек с заурядной внешностью клерка. Вот он в бизнес-классе смотрелся не совсем уместно. Но Еременко догадывался, по какой причине он здесь оказался, и даже мило улыбнулся незнакомцу, встретившись с ним взглядом.

До конца полета времени еще достаточно, и Виктор Викентьевич стал размышлять, чем бы занять эти часы. Он уже хотел было отдаться во власть киноиндустрии, как бортовое радио, хрипнув, милым и вежливым голосом стюардессы сообщило, что прибытие их рейса в Рейкьявик задержится на полчаса.

Еременко тут же нажал кнопку вызова, и уже через несколько секунд одна из миловидных борпроводниц стояла у подлокотника его кресла.

– Какого черта? – раздраженно бросил Еременко. – Что еще за задержки?

– Извините, – девушка мило улыбнулась, – но сейчас в Атлантике проходят военные учения, и наш воздушный коридор временно закрыт. Поэтому мы должны немного изменить курс в сторону Гренландии. Получается небольшой крюк, поэтому время в полете займет чуть больше обычного. Приносим извинения за причиненные неудобства по не от нас зависящим причинам. – Девушка еще раз улыбнулась и поинтересовалась, не хочет ли мистер что-нибудь съесть или выпить.

Пить Еременко не хотел и только злобно пробурчал:

– Могли бы и в аэропорту сообщить. Наверняка же знали про эти идиотские учения. Не пять же минут назад они начались?

– Извините, мистер, – стюардесса ласково посмотрела на пассажира, – но в аэропорту всем пассажирам сообщили перед посадкой.

– Наверное, я прослушал, – буркнул Виктор Викентьевич уже более примирительно, вспомнив свое задушевное прощание с бывшими компаньонами Стромбергом и Шестопаловым. – А в Рейкьявике-то хоть посадку не отменили? Дозаправляться будем? – ехидно поинтересовался он. – А то я смотрю, у нас весь рейс какой-то... наперекосяк. То учения, то еще что-то.

И тут же, словно в подтверждение его слов, самолет тряхнуло так, что бортпроводница едва устояла на ногах, схватившись за спинку еременковского кресла. Было такое ощущение, будто одно из облаков, среди которых до сих пор мирно летел лайнер, оказалось из чего-то вроде застывшего цемента. Даже звук был похож, словно самолет протащило брюхом по асфальту.

– Что это? – Виктор Викентьевич встревоженно глянул на стюардессу, но та, перепуганно-дежурно улыбнувшись, извинилась и скрылась в служебном помещении.

Авиалайнер стал резко терять высоту. Чтобы убедиться в этом, даже не надо было выглядывать в иллюминатор. Достаточно было посмотреть на стакан с недопитым чаем. Жидкость расположилась под углом к доньшку на добрых десять-пятнадцать градусов.

Пассажиры, однако, уставились в прозрачные стекла, с ужасом констатируя тот факт, что облака, плывшие доселе параллельно самолету, теперь с каждой секундой стремительно уходят вверх.

– Поздравляю, господа, мы падаем! – громогласно заявил отставной хиппи и, хрипло расхохотавшись, почему-то добавил, обращаясь неизвестно к кому: – Наконец-то...

В салоне сразу стало как-то жутко и неудобно. Паники еще не было, но кто-то уже начал истерично молиться богу, к которому до сих пор никогда не обращался и не очень-то в него верил.

Белоснежный тюрбан что-то скороговоркой залопотал на своем гортанном языке, вполношенно давя на кнопку вызова стюардессы. Что творилось в соседних, более густонаселенных салонах, можно было догадаться по звукам истеричных женских выкриков и перепуганному детскому плачу, доносившемуся из-за переборки.

И только, пожалуй, один Виктор Викентьевич оставался отрешенно-спокойным. События этих нескольких последних секунд никак не укладывались в его голове. Только что он пребывал в эйфории, так успешно свернув дело чуть ли не всей своей жизни. В багажном отделении лежали вожделенные мешки с зелеными пропусками в рай... Как же так? Что это за издевательство? Он сотни, если не тысячи раз совершал перелеты на самолетах чуть ли не всех авиакомпаний мира, и теперь, когда он, может быть, последний раз в жизни сел в самолет, провидение решило подложить ему такую свинью? Чушь собачья. Так не бывает!!!

Однако суровая действительность за стеклом иллюминатора говорила об обратном. Облака, бывшие до сих пор под ними, сейчас оказались сверху, а внизу теперь хорошо была видна бесконечная синь великого Атлантического океана...

– Господа, – в нешироком проходе между кресел появилась изрядно перепуганная бортпроводница. Несмотря на катастрофичность ситуации, девушка, однако, старалась держать себя в руках. – Господа, – повторила она громче, перекрикивая осатаневших пассажиров. Но те и так бросились к стюардессе, словно Суворов на штурм Измаила. Каждый приставал с вопросами, а некоторые умудрялись выкрикивать злобные угрозы в адрес и проводницы, и экипажа, и авиакомпании, и всей поганой Америки в целом.

– Господа, – чуть ли не закричала девушка, отстраняясь от навязчивых пассажиров. – Пожалуйста, все займите свои места. Живо! – грозно добавила она, и люди, затихнув, покорно поползли к своим креслам. – На борту лайнера произошли серьезные технические неполадки, причины которых пока неизвестны, – сообщила стюардесса, убедившись, что все пассажиры расселись согласно купленным билетам. – Командиром корабля и экипажем принято решение об аварийной посадке в Гренландии. До острова всего около ста пятидесяти миль...

– В какой Гренландии?! – раздраженно перебил девушку Еременко, которого наконец запоздало посетила истерика. – В какой Гренландии? – повторил он. – Там нет ни персонала, ни одной посадочной полосы для аэробусов такого класса! Вы что, угробить нас всех хотите? – свирепствовал Виктор Викентьевич, как человек, налетавший не одну сотню часов, хорошо осведомленный о возможностях местных аэропортов.

– Прошу не пугаться и не впадать в панику, – успокаивала пассажиров бортпроводница, не обращая внимания на злобные выпады Еременко. – Сейчас из-за неполадок с навигационным оборудованием наш самолет снизится до высоты семисот футов. До визуального контакта с землей, – уточнила она. – И будет садиться прямо на ледник, – озвучила она решение экипажа.

И словно в подтверждение ее слов самолет снова трянуло, и крутое пикирование прекратилось. Чай в стакане Виктора Викентьевича стабилизировался, приняв горизонтальное положение. Затем постепенно опять стал наклоняться. Правда, теперь авиалайнер не падал, а контролируемо сбрасывал высоту.

– Прошу вас всех пристегнуться, – в приказной форме продолжала инструктировать пассажиров бортпроводница, – положить руки на затылок, наклониться вперед и не покидать своих мест до полной остановки самолета. Спасибо. – Голос девушки чуть смягчился. – Благодарю вас за помощь.

Виктор Викентьевич не удержался и снова глянул в иллюминатор. Ведь семисот футов – это всего каких-то двести метров! Неужто такая махина может лететь так низко?!

Самолет по-прежнему летел над океанской гладью, до которой, казалось, можно было дотянуться рукой. Виктор Викентьевич даже умудрился рассмотреть мелкие пенные бурунчики на гребнях волн. Океан слегка штормило.

Новоявленный мультимиллионер слабо верил в рассказы экипажа о посадке на лед, хотя это было вполне вероятно. Ледниковое покрытие во многих местах Гренландии относительно ровное и довольно обширное. Но это все чушь и профессиональные ухищрения экипажа. Хотят сыграть в ящик без паники. Ведь даже если они дотянут до острова, все равно ледник – это не бетонка взлетно-посадочной полосы. Стоит шасси попасть в любую мало-мальски неширокую расселину или напороться на торос, как лайнер просто начнет кувыряться, словно попавший в кювет автомобиль. Только скорость самолета никак не сравнится со скоростью машины. И если у пассажиров попавшей в аварию легковушки есть хоть какие-то шансы на спасение, то самолет просто разорвет в клочья вместе с людьми...

– Ну, господи, – тихо прошептал Еременко, принимая рекомендованную стюардессой позу, – спаси меня и помилуй... Даруй хоть надежду...

Глава 8

О том, что американский «Боинг-767», выполнявший рейс по маршруту Нью-Йорк – Дублин, терпит катастрофу у берегов Гренландии, всему миру стало известно почти сразу. При аварии было повреждено навигационное оборудование, но средства связи работали исправно, и свою просьбу о помощи экипаж самолета смог послать в эфир.

Однако как раз с помощью вышла неувязка. Все заинтересованные службы знали о неполадках на борту, получили сообщение и о том, что из-за отказа приборов сажать авиалайнер на льды острова экипаж будет визуально. Но как только аэробус снизился до отметки примерно в тысячу футов, он пропал с экранов радаров. Даже специалисты военных кораблей, принимавшие участие в недалеких учениях, не могли засечь самолет как низколетящую цель.

Экипаж авиалайнера хоть и имел выход в эфир, но толку от этого было мало – не имея подробных карт острова, летчики не могли дать точную ориентировку на местности. Да и не до того им было. Последним сообщением, прозвучавшим по радио, было: «Есть касание!» И все. Дальше – как отрезало. Самолет замолчал. Это могло означать и самое худшее – посадка прошла неудачно и авиалайнер разбился. А могло случиться так, что при аварийной посадке просто были повреждены приборы связи.

Как бы то ни было, но как только новость об исчезновении самолета попала на телетайпные ленты информационных агентств, во многих странах мира вокруг этого события поднялся нездоровый ажиотаж. Ведь, кроме обычных пассажиров, на борту самолета летело несколько довольно известных в политических кругах дипломатических работников. Опять же шейх с отставной рок-звездой. Да и судьба почти пятисот рядовых пассажиров не могла оставить равнодушными не только родственников пропавших, но и правительства разных стран, гражданами которых являлись пропавшие во льдах Гренландии люди.

Да еще масла в огонь подлила воинствующая террористическая организация «Эль Шараф», которая через средства массовой информации сообщила, что ответственность за совершенный на борту самолета взрыв, в результате которого авиалайнер и потерпел крушение, эта организация берет на себя.

Компетентные люди знали, что эта дутая «Эль Шараф» сродни чеченскому полковому командиру Радуюеву, который брал на себя ответственность даже за то, что российское правительство вовремя не выплатило бюджетникам заработную плату. Но тем не менее своего они добились, запустив по миру очередную волну террористической истерии.

Как бы то ни было, а эту историю с потерпевшим крушение авиалайнером следовало довести до логического конца: найти людей, самолет или хотя бы то, что от них осталось...

Однако пообещать сделать это было намного легче, чем осуществить на практике. Принадлежащий Дании остров Гренландия – это, по сути, огромный ледяной материк, на котором спокойно могли бы уместиться десять таких стран, как Великобритания. И на всем этом огромном пространстве народу живет всего тысяч пятьдесят. Население небольшого российского райцентра. Найти в таких условиях пропавший самолет – это почти то же самое, что отыскать иголку в стоге сена. Даже воздушную разведку было очень сложно провести. У реактивных самолетов слишком высокая скорость, при которой рассмотреть в снегу обломки авиалайнера представлялось весьма проблематичным делом. У пригодных для этого вертолетов для обследования таких площадей просто не хватило бы в баках горючего. А чтобы обойти пешком территорию размером в десять британских королевств, понадобилось бы слишком много времени.

А времени для поисков было совсем мало. Ведь если предположить, что посадка прошла более или менее нормально и экипажу вместе с пассажирами удалось выжить, то несчастных людей в ближайшие часы ждет неминуемая смерть от холода. Максимум, сколько бедолаги смогут протянуть, – сутки или двое...

Глава 9

– Товарищ капитан, вас к телефону дежурный по КПП. – Сержант из караульного наряда протянул трубку Коноваленко.

– Ну, что там у тебя? – поинтересовался Олег Петрович у дежурившего на воротах прапорщика.

– Товарищ капитан, – откликнулись на том конце провода, – здесь машина с представителями ФСБ. Вас требуют.

– Пропусти, – коротко приказал капитан и глянул на часы. Половина четвертого утра. Видимо, где-то произошло что-то очень серьезное и не терпящее отлагательств, коль скоро спецслужба не стала связываться по телефону, а пожаловала лично.

Скользнув фарами по окнам, перед штабом части остановилась машина, и спустя минуту в комнату дежурного офицера вошел мужчина в гражданской одежде и с депутатским значком на лацкане пиджака.

– Здравствуйте, Олег Петрович. – Штатский пожал руку капитану и коротко приказал сержанту: – Служивый, погуляй минут пятнадцать, подыши воздухом.

– Здравствуйте. – Офицер с любопытством уставился на незнакомца из властных структур, так лихо посреди ночи припершегоя за сорок километров от города, да еще под охраной ребят из ФСО и представителей ФСБ. – Дежурный по части капитан Коноваленко, – по уставу представился Олег Петрович и замолчал, ожидая дальнейших действий визитера.

– Капитан, ты вечерний выпуск новостей смотрел? – с нагловатой фамильярностью поинтересовался чиновник, считая, очевидно, что имеет на это право.

– Никак нет, – снова отчеканил Коноваленко и с долей презрения добавил: – Я в восемнадцать ноль-ноль заступил дежурным по части. – Он выразительно поправил повязку на левом рукаве. – Мне не до телевизора было.

– А-а-а... Ну да... – рассеянно обронил визитер, только сейчас заметив, что находится в штабной дежурке. – Извини, мы тут в небольшом зашоре.

Олег Петрович молчал, не интересуясь, кто это «мы», что это за «зашор» и, главное, по какой причине он случился. Капитан полностью отдал инициативу в руки высокопоставленного незнакомца, ожидая продолжения.

Не дождавшись вопросов, мужчина сердито откашлялся и произнес:

– Я только что от Патрушева...

– Почему он сам не позвонил? – тут же спросил Коноваленко, устанавливая предел полномочий визитера.

– Дело это не для телефонного разговора, – загадочно сообщил незнакомец, – я уполномочен лично передать вам распоряжения вашего начальника.

– Извините, – вежливо ответил капитан, – но вам придется подождать одну минуту. Мне нужно сделать звонок.

– Звоните, – согласно кивнул мужчина, догадавшись о причинах недоверия. – Наверняка он не спит.

Коноваленко набрал домашний номер командира и припал к трубке. Дождавшись ответа, он представился:

– Извините, что так поздно потревожил. Говорит капитан Коноваленко. Да. Здесь, в части. Точнее, у меня. Я? Заступил в наряд дежурным по части. А как я сменюсь?! Есть дождаться Гаврилюка и сдать дежурство. – Он мягко положил трубку на аппарат и повернулся к мужчине. – Поскольку новостей я не смотрел, то внимательно слушаю вас.

– Значит, так. Несколько часов назад американский пассажирский «Боинг» потерпел аварию и совершил вынужденную посадку где-то в Гренландии, – начал издали визитер.

– Понятно, – оценил информацию Олег Петрович. – А мне до этого самолета какое дело? – резонно спросил он.

– Непосредственное, – многозначительно ответил чиновник и продолжал: – Принято решение отправить во главе с вами группу спецназовцев из вашего подразделения. Вы должны десантироваться на месте предполагаемого крушения самолета.

– За каким лешим? – поинтересовался капитан, все еще не понимая, чего от него хотят. – Что мне там делать? Учить белых мишек рукопашному бою?

– К сожалению, капитан, цель вашей миссии сейчас я вам озвучить не могу. – Мужчина с сожалением покачал головой. – Во избежание утечки информации. О задачах вашей миссии вы узнаете только после десантирования, непосредственно на месте.

– Какая, на хрен, утечка информации? – вспыхнул капитан, которому меньше всего в своей работе нравились какие-то темные закулисные игры. – Здесь нас двое – вы и я. Двое, – подчеркнул он. – Вы обо всем знаете сейчас, я узнаю там, на месте. Только вы останетесь здесь, в Москве, а мне *там* придется работать. Я не могу выполнять задачу, о которой не имею понятия. Потому что не могу предусмотреть ни вероятных препятствий, ни степени подготовки и необходимого снаряжения.

Визитер молча пожал плечами, давая понять, что ничего больше сообщать он не намерен.

– Нам позволят взять хоть какое-то оружие? – не без ехидства спросил капитан у хранителя тайны. – Или мы будем работать под видом туристов, случайно забредших в арктические просторы ледников? У нас какая будет легенда? Шли в Египет, но сбились с маршрута? Если вы не знаете, то Гренландия принадлежит не России, а Дании. Туда без визы пока не пускают.

– Полегче, капитан, – начальственно осадил ретивого служаку правительственный чиновник, не привыкший к такому обращению. – У меня в этом деле другие интересы, а военную позицию вам озвучиваю со слов вашего командира.

– Понятно, – кивнул головой Коноваленко, – озвучивайте дальше.

– Спасибо, – примирительно бросил визитер и продолжил: – Значит, критерии подбора людей: по внешности – не монголоиды, не кавказцы, не азиаты...

– Извините, что перебиваю, – насмешливо перебил Олег Петрович. – Не знаю, как вас по имени-отчеству, но давайте начнем с исходного: сколько человек должно быть в группе десантирования?

– Вместе с вами – четверо, – ответил незнакомец, так и не представившись.

– Понятно, – согласно кивнул капитан, – продолжайте.

– Не монголоиды, не кавказцы и не азиаты, – словно заученный урок повторило высокопоставленное лицо. – Далее. Знание английского языка. Ну хотя бы более или менее сносное.

– Та-а-ак. – Капитан почесал пальцем переносицу, предвидя осложнения с подбором команды. – Что еще?

– И еще меня просили передать, что ваши люди должны иметь боевой опыт в условиях заснеженного высокогорья и ледников. – Чиновник озвучил последний пункт и замолчал.

– Выбор исполнителей, я так понимаю, за мной? – Олег Петрович вопросительно глянул на respectable мужчину. – Или как?

– Разумеется, – подтвердил визитер. – Только люди должны быть самые-самые проверенные и надежные, – добавил он, видимо, уже от себя.

– О снаряжении речь шла? – поинтересовался капитан.

– Нет. – Мужчина отрицательно покачал головой. – Очевидно, на ваше усмотрение. Ах да! – Визитер внезапно встрепенулся. – Чуть не забыл! У вас не должно быть и намек на военную принадлежность.

Капитан тоскливо глянул на чиновника и безнадежно поинтересовался:

– Больше ничего не забыли?

– Нет, – промычал тот неуверенно. – Кажется – нет.

– Когда кажется, как известно... – пробормотал капитан, вставая. В окне он увидел силуэт офицера, вызванного посыльными для смены на дежурстве. – Если десантируемся, значит, вылетаем, – резонно заметил Олег Петрович и задал последний интересующий его вопрос: – Когда? И на сколько времени?

– Через два часа на Шпицберген вылетит самолет, – ответил визитер, тоже поднимаясь с жесткого деревянного стула. – Он должен доставить вас туда. А оттуда уже непосредственно к месту вашего десантирования. А вот насчет «на сколько» – я не знаю. Наверное, никто не знает, – в первый раз честно признался мужчина.

Очевидно, больше ему нечего было сообщить. Правительственный чин пожал твердую капитанскую руку, напоследок пожелав удачи, сел в свой лимузин и укатил в столицу, досматривать в теплой постельке так неожиданно прерванные сны...

– Ну, что, Олег Петрович, – в комнату дежурного по части вошел сменщик, сладко потягиваясь спросонок. – Никак, в очередную командировку отправляешься?

– Похоже на то, – задумчиво ответил капитан. – Ты пока давай, принимай документацию, а я тут посижу. Надо покумекать кое о чем. Не помешаю?

– Да ты что? – удивился сменщик и принялся за формальности.

«Веселенькое дельце намечается, – невесело усмехнулся про себя Коноваленко, глядя, как вновь заступивший на дежурство офицер листает штабную документацию. – Что это у них за такие критерии подбора людей? Эдак я без команды останусь, в одиночестве. Во-первых, не монголоиды – это три человека долой. Не кавказцы – еще четверо, и не азиаты – значит, Турсунбаев и Пихамберкулиев сегодня могут спать спокойно...»

– Все в порядке, Олег Петрович, – прервал размышления капитана сменщик.

– Дежурство сдал, – откликнулся Коноваленко.

– Дежурство принял, – в тон ему ответил офицер и пожелал: – Ну, ни пуха тебе, Олег Петрович...

– К черту, – отмахнулся капитан и вышел на свежий воздух.

«Более-менее знание английского языка, – шагая к казарме своего подразделения, капитан продолжал обдумывать и взвешивать кандидатуры, – это, пожалуй, минус двенадцать, даже – четырнадцать человек. Дальше. Обязательный боевой опыт в условиях заснеженного высокогорья и ледников. Ну, тут вообще завал. – Коноваленко остановился и, стоя у входа в казарму, задумчиво закурил. – И кто же у нас остается?»

Простояв минут пять под яркими звездами ночного неба, он еще несколько раз перетащивал в голове все возможные кандидатуры, прикинул снаряжение и виды оружия, которые нужно было взять исходя из задачи, одежду и способ маскировки этого самого оружия, запас боеприпасов и провизии, из расчета того, что, коль скоро речь зашла о пропавшем самолете, значит, его придется искать, и сколько это может занять времени – никому не известно. Подумал капитан и о том, в каких условиях бойцам придется спать... Задача предстояла не из легких. По сравнению с ледяной пустыней, джунгли – это рай... Затушив окурок, Коноваленко решительно толкнул дверь.

Он жестом остановил рванувшегося было с докладом дежурного и коротко приказал ему:

– Давай, скажи дневальному, чтобы поднимал Карпушенко и этих двоих братьев-акробатов...

– Кого? – не понял дежурный.

– Локиса и Кондратьева...

Глава 10

То, что когда в восточном полушарии Земли наступает ночь, то в западном – утро и наоборот – факт известный. Поэтому, когда в Подмосковье была половина четвертого утра, в Лэнгли был самый послеобеденный разгар рабочего дня. А разгар рабочего дня в штаб-квартире ЦРУ, между прочим, мало чем отличается от работы в самых обычных, самых заурядных конторах. Такая же суета и беготня по кабинетам в поисках «только что вышедшего» человека, метания по этажам в погоне за подписями нужных чиновников, такое же непрерывное мельтешение вездесущих клерков и посыльных, бесконечные перекуры с травлей анекдотов. Вот только в ЦРУ на перекурах вместо анекдотов травили последние служебные и политические сплетни, которые обрастали самыми невероятными фактами. Это единственное, чем отличалось это заведение от тысяч и тысяч контор, разбросанных по всей Америке, от Атлантики до Тихого океана.

Поэтому, когда командир оперативной группы командос майор Кристиан Уайнсли (или просто – Крис) появился в здании главной разведки Соединенных Штатов Америки, он не поспешил на встречу в назначенный ему кабинет, а с хорошей кубинской сигарой примостился в курилке.

Крис только-только плотно пообедал, когда раздался звонок по закрытой линии, и какой-то безразлично-служебный голос сообщил, что его срочно желают видеть в Лэнгли. Что может означать такая срочность, командос прекрасно знал, поэтому позвонил своей правой руке Курту Агни и попросил его предупредить всех ребят, что, скорее всего, опять понадобились их услуги, так что пусть сидят и ждут распоряжений о месте и времени сбора.

Выкурив сигару и послушав шпионские «последние известия», Уайнсли направился в назначенное для встречи место.

В кабинете он застал малознакомого ему довольно молодого еще человека, который, однако, обладал полномочиями отдавать мистеру Уайнсли приказы. В разумных пределах, разумеется. Ибо командос – не простые солдафоны, а наемники, «джентльмены удачи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.